

РЕЦЕНЗИИ

ВСЕГДА ПО-СВОЕМУ

Владимир Шемшученко. Избранное (книга стихотворений). — СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2016. — 160 с.

Владимир Шемшученко отнюдь не новичок в поэзии, более того, этот поэт отмечен немалым числом премий — тем интереснее проанализировать недавно вышедший из печати сборник «Избранное» на предмет определения своеобразия, уникальности поэтической мысли и поэтического слова. Что же бросается в глаза уже при первом знакомстве со стихами Владимира Шемшученко и что, напротив, требует более пристального отслеживания, едва ли не герменевтического подхода? Попробуем эти индивидуальные черты (условно, конечно же!) пронумеровать.

Во-первых, поэзия Владимира Шемшученко — это мужская поэзия. Сейчас на поэтическом горизонте (впрочем, не только на поэтическом, в быту и на службе тоже!) продолжается такой период, когда женщины ведут себя и пишут подчеркнуто по-мужски, а противоположный пол не чурается женственных признаний, шквала обид и прочих атрибутов совсем не своего гендера. У В. Шемшученко все четко по-мужски. *Ненависть — высшей пробы! — / Сыну в сердце вложу* (с. 151). *Плачет сука, и я с ней плачу, / Ненавидя и благодаря* (с. 149). *Двадцатый век оттяпал полдуши / И треть страны, в которой я родился* (с. 146). *И вдрызг разругались соперницы-кошки, / Изрядно помяв меховые манто. / Вот глупые твари. Свернуть бы им бошки!* (с. 143). *А собачьи глаза — Вон какие стихи сочиняют!* (с. 128). *Любимая, я — идиот — / Европа стихи не читает* (с. 95). *К чертям занудный ход календаря!* (с. 102). *И в рюкзак уложить тишину и усталость* (с. 41).

Во-вторых (впрочем, это вытекает из первого!), Владимир Шемшученко — поэт эпатажа, отстаивающий свое право на эмоции, достаточно часто отрицательные, и признания, подчас тоже не красящие автора. Но этим голосом говорят сейчас многие, очень многие, которым эти стихи, если бы они их услышали, были бы до боли близки и дороги. Много лет назад одному местному поэту через его жену, подарившую мне сборники стихов, я передала, кроме похвал, одно свое наблюдение. Говорю: тут в каждом стихе автор или пьет сейчас, или собирается выпить, или вспоминает минуты застолья. Женщина мне рассказала, что, узнав об этом, муж срочно стал перелистывать сборники, удивляясь, что так оно и есть. Увы, есть эта тема и у Владимира Шемшученко, поскольку талантливый поэт интуитивно становится всеобъемлющим зеркалом социума. Причем эта упомянутая тема работает и на образный ряд: *И хлебнув с утра весенней влаги, / Провода трамвайные поют* (с. 85). Тут очень острый нерв оценки: все ли, что есть в жизни, должно

быть в книге или все же не все? Отражаем ли мы происходящее (науке известен и такой термин, как сверхсмертность мужчин — понятно от чего) или утоляем извечный голод, неуемную тоску по идеалам и образцам повседневного поведения?

В-третьих, стихи Владимира Шемшученко подкупают необычным для поэтического языка соединением, сочетанием, сопряжением живой интонации разговорной речи, что отчасти мы уже продемонстрировали, и яркими аллюзиями, цитатами из классики, а также упоминаниями современных поэтов и писателей. Это строки из Блока и Маяковского, Ломоносова и Пастернака, Александра Пушкина и Александра Грина. Это аллюзия *алых парусов* и аллюзия Э.-М. Ремарка: *На писательском фронте без перемен* (с. 118). Упоминаются Юрий Кузнецов, Геннадий Айги, Захар Прилепин, Глеб Горбовский. К отдельным стихам предпосланы эпиграфы из Пушкина, Блока, Мандельштама, Исаковского. Есть посвящения. Марине Кудимовой, например. Таким путем создается лирика, весьма насыщенная именами и образами.

В-четвертых, в стихах сборника много Петербурга, даже если судить только по названиям стихов: «Петербург», «Васильевский остров», «Петербургский вальс», «Наводнение», «Город Гамлет». Впрочем, и вся страна представлена: Караганда, Курилы, Киев, Феодосия, Донецк, Соловки, Онега...

В-пятых, в стихах много «политики», они как пронзительная, пронизывающая оценка непростой нашей современности, включая до сих пор беснующихся «укров» и таджиков, вынужденных зарабатывать среди тех, кого выселяли и проклинали. *Посмотрите в окно — кто метет и скребет наши улицы? / Это дети оравших до времени: «Русские вон!»* (с. 137). Александр Илличевский хорошо сказал о прозе: «В моем понимании, любой роман — это исследовательская работа, способ познания мира. Желание что-то написать возникает тогда, когда что-то не понимаешь. Текст — это попытка размышления по поводу того, что тебе неизвестно» (Новый мир. 2012, № 5. С. 227). Полагаем, что исследовательский посыл есть не только у романа, но и у стихотворения, которое тоже становится инструментом не одного лишь отражения, а еще и анализа события. Вот, например, очень точная зарисовка узнаваемых эмоций: *Скитается взгляд по вагону, чего ни коснется — болит!* (с. 46). Добавим: стих — это еще и аутоисследование, интерпретация собственного поступка: *Здравствуй. Знал, что вернешься, и верил — / Я тебя отпустил, чтобы этим тебя удержать* (с. 38).

Впрочем, продолжать выделенные выше «во-первых», «во-вторых» и далее не следует: начинает угасать самое главное. Дело здесь вот в чем. При таком эпатаже и такой «политике», при такой многоликости Петербурга и таких списках имен началом, объединяющим, пронизывающим каждый блок, каждый «отсек» своеобразия, у Владимира Шемшученко таким началом выступает яркий лиризм поэзии, замечательное чувство своеобразия той или иной всегда сильной эмоции.

Он вытащил меня из пьяной драки / И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...» / Он умер тихо, но его собаки / Заснуть всему кварталу не дают (с. 36). *Время любить — без любви умирают, / Вянут, как сбитая градом трава* (с. 37). *Не вы гоняли голубей, / Но вы — поймете...* (с. 22). *Не гляди на меня. Лучше слушай, как мокрою лапой / За оконная ель одичало скребется в стекло. / Пересилив себя, ты сумела назвать меня папой / И сама испугалась — давненько мне так не везло* (с. 92). *Снега хочется! Солнца! / Рук твоих! Черт возьми!* (с. 106).

Лирика Шемшученко демонстрирует умение не только пережить, но и выразить эмоцию. Как? Да по-разному и всегда по-своему, так, как мало кто в поэзии эти эмоции выражал. Рассмотрим один интересный содержательный сюжетный ход и один ход, один прием сугубо формальный, грамматический, поясняя сказанное примерами.

В сборнике парадоксально большое место уделено... собакам или, выражаясь галантным научным языком, концепту «собака», что тоже больше свойственно сугубо мужской поэтике. Считается, что лучшие собаки у Чехова. В поэзии, конечно же, вспоминается Сергей Есенин. Стихотворение Ивана Бунина «Одиночество» заканчивается словами: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить». Так и у нашего автора эмоциональная нить протянута к собачьему бытию и сердцу. *Вот метель, беспощадно диктует стихи, / И наплевать ей, что псы и поэты похожи* (с. 72). *Псина сторожевая / Вдруг замолчала у ног* (с. 40). *Подходит хозяин, хромяя на правую ногу, / И гладит собаку по шерсти, скрывающей шрам* (с. 114). *У меня на руках абрикосовый дремлет щенок* (с. 113). Образ собаки сродни поэту по силе переживаемых чувств и невозможности выразить их словами. Для животного это абсолютная невозможность, а для поэта — это не что иное, как извечная неудовлетворенность очередным плодом собственного творчества, опять не утолившим авторских ожиданий.

Поэзия — это движение образов, художественная бесконечность их прочтения. *И соло василька в большом цветочном хоре...* (с. 52). Как мы уже подчеркнули, в этих поэтических образах частым гостем узнаваемый Петербург. *...И снежные хищники с крыш / Не прыгают на прохожих* (с. 95). *Постою, помолчу, погляжу на мятущийся снег. / Он еще не лежит на карнизах свялявшейся ватой. / Он летит и летит, и моих не касается век. / Он, конечно же, синий, и пахнет, естественно, мятой* (с. 90).

Он летит и летит... Вот мы и приблизились к характерному для Владимира Шемшученко «грамматическому» приему, который поэт замечательно разрабатывает. Конец этого стиха: *Снег уже не идет. Он уходит, уходит, уходит...* (с. 90). Повтором современного читателя не удивишь, но ведь здесь повторяется так называемое настоящее актуальное, сиюминутное. Повторяется и потому продлевается. Вот финал еще одного стихотворения: *Тонкий ломается лед — Кто-то под окнами ходит. / Что-нибудь произойдет / Или уже происходит...* (с. 40). Из других стихов: *И листает, листает, листает / Календарь новогодний зима* (с. 84). *Я, словно снег, иду, иду к тебе* (с. 104).

Говорит, гладит, дремлет, спит, примеряет, прощу, ждет, поем, врывается, роняет, ржет, стирает, целую, знают, сторонятся, кружит, пахнет, согреваю... Мы сейчас выписали из финальных строк глаголы-сказуемые. Обратим внимание: это всё формы настоящего времени. В музыке есть такой значок: фермата. Тяни звук, сколько хочешь: чем дольше, тем лучше, выразительнее. Так и поэт формой настоящего времени продолжает, продлевает звучание стиха, хотя стих будто бы уже закончен.

Повтор требует большой осторожности: это весьма сильный прием. Случайно ли, что лишь два стихотворения в сборнике выстроены по эффектной модели. Одно по модели: *Это... Это... Это... А на реке светает — Это издалека, / Это растет, нарастает* (вот оно опять, настоящее время!)... *Это еще не звук, / Это из сердцевины...* / *Это небесный паук / Звездной наткал паутины...* / *Это корова-луна / Тучу поддела рогами. / Это кричит тишина / Между двумя берегами* (каков образ реки и потрясающей тишины над нею!)... / *Это — здесь и сейчас!* («привилегированные точки» Э. Канта) — / *Заговорить стихами...* / *Это — последний шанс / Не превратиться в камень* (с. 4). В другом стихотворении трижды повторяется группа придаточных, начинающихся с «когда»: *Когда нет преданного друга, / Когда не подадут руки, Когда никто не интересен...* (с. 29—30). Двадцать один ответ в общей сложности протягивает читателю поэт на заголовочный процессный вопрос, когда же «мысль превращается в слова».

Много лет назад в стихотворении Якова Белинского мы отметили прием обрыва не строки даже, а обрыва на половине слова. Речь шла об осенних листьях: *Время гибнуть, дрожа. Додержаться. Держаться. Держаться. Держа...* У Владимира Шемшученко в стихотворении «Картина» встречаем: *И штрих за штрихом, словно наземь убитая птица, / И ярость мазка, как прорвавшая шлюзы вода, / И чья-то судьба — просто загнутый угол страницы. / Гадала цыганка. Гадала, гадала, гадала...* (с. 29).

Я так чувствую, что скоро перепишу весь сборник, а главное от анализа все ускользает и ускользает, почему стихи лучше не разбирать, а читать и читать. И ценить этот дар в Другом. У Федора Ермошина есть интересное сравнение наименований лиц с шахматными фигурами. «Поэт — наиболее сенситивный, чутконюхый, но и самый зыбкий агент в этом мире речи. Если сравнить язык с шахматами, то пешками будут журналисты, турами — прозаики (с их эпической обстоятельностью и неповоротливостью), политики — конями (не знаешь, куда увильнет, и от корявого косноязычия до афоризма один ход), поэт — ферзем: он может ходить, как ему вздумается, он дерзок, размашист и почти всемогущ, но его гибель наиболее разительно сказывается на всем балансе сил» (Знамя. 2007. № 10. С. 187).

Трудно сказать, что осталось за кадром, что не вошло в «Избранное», но в любом случае в этой поэзии есть что исследовать и есть что просто читать.

Вера ХАРЧЕНКО

УЧИТЬСЯ ХОДИТЬ

Денис Соболев: Легенды горы Кармель: четырнадцать историй о любви и времени: Роман. Изд-во. «Геликон Плюс», 2016.

«Легенды горы Кармель» Дениса Соболева, как и его роман «Иерусалим» (2005), принадлежат новейшей русско-израильской литературе, главной особенностью которой является интенсивное интеллектуальное и культурное вживание в израильскую почву — не идеологическое или политическое, а магическое и, если так можно выразится, герменевтическое. В стиле фрагментарного романа Соболев собирает реальность и историю по кусочкам, в каждом из которых отражается вся вселенная — и в то же время не остается закрытой и бесспорной ни одна идея. Как и в «Иерусалиме», мысль автора занята отчаянным поиском свободы среди хаоса истории. В центральной, на мой взгляд, главе новой книги «Девочка и корабль» эта мысль достигает предельного воплощения в чудесной и спасительной встрече двух поколений русских израильтян: потерянной в культурном вакууме девочки-подростка, выросшей в Израиле, и интеллигента, принадлежащего к поколению ее родителей:

Неожиданно лишь чувство одиночества и боли, ее безнадежной непринадлежности ко всему этому, показалось ей подлинным — своего рода неожиданным и безупречным компасом, бьющимся в ночном хаосе шторма. Лена обхватила свои локти и в минутном восторге вжалась в кресло. Дом качался, и вслед за ним у нее беспричинно и счастливо раскачивалось сердце. «Это я уплываю», вдруг подумала она с какой-то удивительной, несвойственной ей ясностью, «Уплываю, потому что теперь уже навсегда буду другой». И вдруг морская ночь, палуба гостиной, книги вдоль мачт и эта качка легкого шторма снова оказались прозрачным пространством сна. «Спасибо», сказала Лена этому странному человеку; «спасибо», повто-